

Юрий Солодухин,

действительный государственный советник РФ I класса

Уроки кризиса для России

Осенью 2008 года Россия живёт под знаком борьбы с последствиями глобального кризиса. Направленные на это меры выстроились в целостную Программу антикризисных мер Правительства Российской Федерации. Глава Правительства РФ В.В. Путин изложил её основные положения, выступая с отчётом перед Государственной Думой. Большинство депутатов программу поддержало. Одобрен также скорректированный под эту программу бюджет на 2009 год.

Однако итоги социально-экономического развития в первом квартале текущего года, мягко говоря, разочаровывающие. Спад ВВП в первом квартале 2009 года составил 8% – ощутимо выше официального прогноза. Объём промышленного производства упал на 14,3%. Инвестиции сократились на 15%. Реальная заработная плата снизилась на 2,3%. Зато существенно увеличилась безработица, её рост составил 9,5%.

На реализацию антикризисных мер направлены значительные, даже огромные финансовые ресурсы. Естественно, напрашивается вопрос как о качестве самой программы, так и её осуществления.

В программе выделено семь приоритетов:

- выполнение в полном объёме публичных обязательств государства перед населением. Имеются в виду обязательства социального характера;
- сохранение и усиление промышленного и технологического потенциала будущего роста;
- стимулирование внутреннего спроса;
- реализация долгосрочных приоритетов модернизации страны. Во главу угла ставится задача смены сложившейся «нефтяной» модели экономического роста моделью инновационной;
- снижение административных барьеров для бизнеса, являющихся одной из причин коррупции;
- формирование мощной национальной финансовой системы;
- проведение ответственной макроэкономической политики.

В программе говорится также о ключевой роли в преодолении кризиса бюджетной политики.

Как видим, все семь приоритетных задач имеют технологический, экономический, финансовый, социальный характер. По-видимому, по мнению разработчиков программы, именно их решение обеспечит преодоление кризиса. В то же время задачи реформирования или хотя бы совершенствования институтов государственного управления, политической системы, духовно-культурной сферы в перечне приоритетов отсутствуют.

На фото: Юрий Солодухин на презентации журнала «Зиновьев» в Литературном музее (Москва, 15 мая 2008 года)

Глубинные
технологические,
экономические,
социальные
преобразования
невозможны без
преобразований в
сфере права, по-
литики,
государственной
власти

Такое впечатление, что программа готовилась правоверными марксистами, исповедующими учение Карла Маркса о базисе и надстройке. Хотя вернее говорить о том, что программа являет собой образчик даже не классического, а вульгарного марксизма, поскольку сами основоположники этого учения, их последователи, в том числе в Советском Союзе, в полной мере сознавали, что надстройка активно влияет на базис. Иными словами, понимали, что глубинные технологические, экономические, социальные преобразования невозможны без преобразований в сфере права, политики, государственной власти. Тогда как в анти-

2000-е годы
действительно
были успешными,
но, как теперь
ясно, благодаря
высоким ценам
на нефть, газ,
металлы, –
основу
российского
экспорта

кризисной программе Правительства РФ взаимозависимость различных сфер общественной жизни проигнорирована. Думаю, не в последнюю очередь в этом причина того, что эффективность антикризисных мер, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Путеводную нить в понимании природы российского кризиса и путей его преодоления даёт теория социальной организации общества, изложенная в трудах А.А. Зиновьева. Он исходит из того, что экономика – не базис общества, а один из компонентов его организации, называемой им социальной, в которую, наряду с экономической, входят также область права, сфера

власти и управления, культура, духовная сфера. А.А. Зиновьев показал, и в этом принципиальная новизна его подхода, что каждый компонент социальной организации, равно как и их взаимодействие, имеет свои законы структурирования и функционирования. Это объективные законы. В то же время конкретная форма их проявления зависит от конкретных условий того или иного исторически сложившегося типа социальной организации, а также от того, в каких отношениях находится та или иная сфера социальной организации с другими такими сферами. Не любые комбинации компонентов социальной организации и не любые их взаимоотношения дают жизнеспособные человеческие объединения.

Согласно А.А. Зиновьеву, эти законы, как и законы природы, не даны непосредственно в опыте. Их надо выявлять, открывать. Примеры такой работы мы найдём в трудах А.А. Зиновьева, посвящённых реальному коммунизму, западнизму, сверхобществу. Согласно открытым им законам, не любые компоненты социальной организации и не любые их отношения дают жизнеспособные общества.

Если применить разработанный им понятийный аппарат к анализу кризиса, переживаемого нашей страной, то ключ к пониманию его природы следует искать в том, что современная Россия представляет собой синкретическую форму социальной организации. Подчёркиваю, именно социальной организации, то есть речь идёт о синкретическом характере не только базиса (экономики), но и других её компонентов: политической системы, государственного управления, института собственности, правовой системы в целом. Заведомо ясно, что невозможно совместить в рамках одной социальной организации, например, пережитки коммунистического менталитета, рыночное хозяйство и бюрократическо-коррупционную власть. Такой

гибрид не может быть способным к динамичному развитию на собственной основе. Именно таким нежизнеспособным социальным мутантом является современная Россия.

То, что она обрела именно такую форму социальной организации, имеет объективные причины. Вступление на путь, ведущий от коммунизма, воплощённого в советской системе, к обществу, основанному на принципах рыночной экономики и либеральной демократии, произошло внезапно. Подавляющее большинство населения страны не было готово к этому, не понимало смысла осуществляемых реформ. Они шли сверху, притом в таких конкретных условиях, когда класс собственников формировался, как теперь общепризнанно, без легитимной основы, посредством сращивания капитала и власти, без создания механизмов, обеспечивающих реальное участие граждан в приватизации. Таковы исторические корни возникновения синкретической российской модели социальной организации.

Справедливости ради следует сказать, что примерно также, через захват власти и её использование происходило становление коммунистического общества в СССР. Правда, с той существенной разницей, что, несмотря на все политические и экономические издержки, применение массового насилия, создаваемый строй отвечал интересам подавляющего большинства народа. Созданное в России синкретическое общество отличает один из самых больших в мире разрывов в доходах между самыми богатыми и самыми необеспеченными слоями населения, высокий уровень бедности, огромные масштабы коррумпированности структур государственного управления, правоохранительных органов, судебного корпуса.

Проблема современной России не только в том, что она не смогла избежать отмеченных деформаций. Проблема в том, что она задержалась, застряла в синкретическом состоянии. И произошло эта задержка как раз в 2000-е годы, которые принято считать успешными, динамичными. Они действительно были успешными, но, как теперь ясно, благодаря высоким ценам на нефть, газ, металлы, составляющие основную часть российского экспорта. В то же время реального экономического, социального, политического развития страны, её движения в сторону формирования жизнеспособной социальной организации, отвечающей специфике России, не происходило.

Определённое понимание необходимости изменений в стране у власти, правящих элит имеется. В упомянутой антикризисной программе имеется специальный раздел, в котором излагаются основные направления модернизации России. Они таковы:

- проведение институциональных реформ, обеспечивающих устойчивое и динамическое развитие человеческого капитала;
- усиление роли внутреннего спроса в обеспечении экономического роста, структурное обновление экономики, ведущее к снижению зависимости производства и финансовой системы от экспорта топливно-сырьевых продуктов;
- упрочение защищённости частной собственности, проведение приватизации в интересах эффективного собственника по заранее известным правилам и с обеспечением необходимой прозрачности;

- обеспечение макроэкономической сбалансированности;
- реализация мер по повышению международной привлекательности рубля и расширению возможностей его использования в международных расчетах;
- повышение эффективности и надежности банковской системы;
- смягчение региональной поляризации за счет ускорения развития депрессивных и слаборазвитых регионов, развития системы стратегического управления на региональном уровне;
- сокращение дифференциации по уровню доходов, борьба с бедностью, формирования и реализации эффективной политики занятости;
- развитие государственной системы здравоохранения;
- совершенствование правоприменительных институтов;
- радикальное повышение инновационной активности в экономике;
- развитие транспортной, энергетической, информационной инфраструктуры, создающей основу для повышения эффективности и снижения уровня издержек всех секторов экономики.

В этом длинном перечне каждая из мер, несомненно, нужна. Но осуществимы ли они в рамках синкретической модели? Ответ напрашивается отрицательный. Наша история последних примерно 15–17 лет убеждает в том, что если государство не сделает абсолютным приоритетом развитие высоких технологий, если не сосредоточит на этом финансовые, интеллектуальные, кадровые ресурсы, если не создаст мощные стимулы привлечения в эту сферу частных инвестиций, частного бизнеса, то модернизация не состоится.

Далеко ходить за примерами не надо. В 2007 году тогда первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации С.Б. Иванов выступил с достаточно проработанной и конкретной концепцией превращения оборонно-промышленного сектора в локомотив обновления технологической базы отечественной экономики, формирования инновационных механизмов её развития. Однако из этого ничего не вышло. Министр финансов А.Л. Кудрин по-прежнему направлял сверхдоходы в Стабилизационный фонд, экономя на «оборонке», науке, профессиональном образовании. Не была сформулирована понятная и действенная система преференций и льгот для инновационного сектора. Капитанам российского крупного бизнеса, который прекрасно чувствовал себя благодаря высоким ценам на энергоносители и металлы, инновации не особенно нужны. Им и так хорошо.

Вот и сформировалась сверхдержава, где доходные статьи бюджета на 70% наполнялись за счёт экспорта сырья, тогда как доля России на мировом рынке высоких технологий составила 0,3%. Для производства тонны стали в России требуется в 3 раза больше людей, чем в США. Недельную норму российского рабочего в сфере строительства его американский коллега выполняет за один день. Чтобы произвести и передать одно и то же количество электроэнергии, в России требуется в 6 раз больше людей, чем в США. Производительность банковских служащих в России также в 10 раз ниже, чем, например, в Швеции и Нидерландах.

В составленном «Форбс» списке двух тысяч крупнейших компаний мира за 2008 год первые пять российских компаний разместились следующим образом: Газпром (13-е место), Роснефть (64), ЛУКОЙЛ (76), Сургутнефтегаз (168), Сбербанк (172 место). Как видим, ни одной компании, выпускающей продукцию с высокой степенью обработки. В то же время первое место в списке «Форбс» занимает компания, выпускающая именно высокотехнологичные изделия, – компания «General Electric».

Передовые технологии базируются на науке. А на ней, как известно, мы долго экономим. Делаем это и сейчас: секвестр бюджета ощутимо коснулся сферы науки, высшего и среднего профессионального образования.

Если государство не сделает абсолютным приоритетом развитие высоких технологий, то модернизация не состоится

Российская наука редет, мелеет, стареет: если в 1991 году численность исследователей превышала 800 тыс. человек, то в 2006-м этот показатель составил 400 тысяч. Средний возраст исследователей в 1991 году составил 43–44 года и 60 лет в 2000 году. В 1991 году исследователей со степенью «кандидат наук» было 118 тысяч человек, в 2007 году этот показатель составил 78,5 тысяч.

Таким образом, в перечне антикризисных мер отсутствует главное: конкретная программа действий государства, общества, направленных на обеспечение осуществления намеченного. Только единство экономической части (базиса) и управленческой (надстройки) позволит выйти за рамки синкретической модели, сделать модернизацию России практически осуществимым проектом.

В рамках статьи невозможно сколько-нибудь подробно изложить даже основные вопросы программы модернизации. Коротко отмечу два момента.

Первый. Из сказанного вытекает, что малая вероятность того, что мы сейчас располагаем солидным заделом конкурентоспособных научных и технологических разработок. Слишком долго экономим на фундаментальной науке, НИОКР, потеряны научные школы, многие квалифицированные исследователи, конструкторы, инженеры уехали за рубеж. Скорее всего, мы не сможем обойтись без заимствования технологий у других государств. Так делали многие страны. Например, в 1960–1970-е гг. импорт технологий в Японии в восемь раз превышал их экспорт. Перенимали и перенимают технологии Китай, Южная Корея, другие государства. Результаты подобной стратегии впечатляют. Южная Корея производит 54% общемирового объема судов, Китай в середине 2000-х гг. обеспечивал 39% мирового выпуска компьютеров, 42% телевизоров и более 50% оргтехники и офисного оборудования, Малайзия в 1990-е годы «держала» свыше 30% рынка мобильных телефонов.

Пока что
российская
элита
не демонстрирует
реальной воли
к переменам

лургии и сферы коммуникаций – серьезных изменений не произошло. Я не вижу другого реального пути быстрого преодоления нашего технологического отставания, кроме импорта технологий. Тем более, что в условиях кризиса их приобретение требует меньших финансовых затрат.

Второй момент. Как отмечает известный российский учёный В.Л. Иноземцев, главным ресурсом, необходимым для модернизации в ее варианте конца XX – начале XXI века, является ясное понимание цели, которую хотим достичь, грамотный менеджмент, эффективное управление со стороны политического класса, четкое позиционирование страны в системе мирового хозяйства. В России ни один из этих элементов не присутствует. Мы вполне можем пополнить небольшую группу стран, в которых политический авторитаризм сочетается с экономической пробуксовкой.

Пока что российская элита не демонстрирует реальной воли к переменам. Это обусловлено тем, что современная

Однако в 1980-1990-е годы Россия этим путём пренебрегла. Что касается 2000-х годов, то этот период стал временем торжества идеологии «энергетической сверхдержавы». Происходило максимальное использование потенциала энергетического сектора. В то же время в промышленности – за исключением некоторых сегментов метал-

российская элита – самый крупный бенефициар сырьевой модели экономики, и у неё нет стимулов к отказу от неё. Судя по всему, цена на нефть и газ не упадут слишком низко, тенденция к их росту уже наметилась. Испуг от кризиса, который явственно чувствовался в конце 2008 – начале 2009 года, похоже, прошёл. Признаков угрозы масштабной общественно-политической дестабилизации не наблюдается. Власть контролирует ситуацию, и нет ничего, что могло бы поколебать её положение.

Таким образом, рассчитывать на модернизацию масштабную, по-настоящему глубокую, модернизацию технологическую, экономическую, управленческую, политическую, модернизацию по инициативе правящего класса, – на такую модернизацию рассчитывать вряд ли приходится. Однако не исключена модернизация вынужденная. Не исключено, что к ней придётся прибегнуть уже в 2010 году, если кризис в стране и в мире затянется и перед властью встанет во весь рост вопрос об источниках наполнения бюджета в условиях истощения Резервного фонда и невысоких цен на энергоносители.

Волей-неволей правящему классу придётся не для деклараций, а на деле искать пути снятия угроз, связанных с подобным развитием событий. Тактические манёвры, к которым, собственно, сводится основное содержание антикризисной программы, здесь уже не помогут. Стратегия – 2020, которая составлялась до кризиса, тоже большой помощи не окажет. Придётся серьёзно думать над реальной модернизацией России как программой действий не только власти, не только элиты, но и всего российского общества на период 15–20 и более лет. В составлении такой программы следует использовать идеи А.А. Зиновьева, касающиеся социальной организации общества и особенностей современного этапа мировой эволюции.

«Глобальный треугольник». О перспективах мирового развития в первой трети XXI века

Недавно состоялось очередное заседание основанного выдающимся отечественным мыслителем Александром Зиновьевым Русского интеллектуального клуба (президент – ректор Московского Гуманитарного Университета профессор И.М. Ильинский). В ходе представления и обсуждения докладов, представленных Центром русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ (директор – д.ф.н. В.А. Луков, руководитель проекта – профессор А.И. Фурсов), была заявлена и в целом одобрена концепция «глобального треугольника» (США–КНР–РФ), как геостратегического «несущего каркаса» всей человеческой цивилизации в первой трети XXI века. Как отмечалось авторами докладов, системно-динамическая оценка внутреннего состояния «вершин» этого «глобального треугольника» и их взаимодействия между собой, проведенная еще в середине 2008 года, была затем практически полностью подтверждена ходом текущего финансово-экономического кризиса и потребовала лишь несущественных поправок и уточнений, связанных прежде всего с перепозиционированием Соединенных Штатов Америки из «генератора управляемого хаоса» в «генератор хаоса неуправляемого». Ключевые тезисы этой концепции вниманию читателей были напечатаны в газете «Завтра».

По материалам Владимира Винникова («Завтра», № 18 (806) от 28 апреля 2009 года)